

Номинация на премию Booker 2022

ЭНН ТАЙЛЕР

РЫЖИК

НА ОБОЧИНЕ

Энн Тайлер

Рыжик на обочине

«Фантом Пресс»

2020

Тайлер Э.

Рыжик на обочине / Э. Тайлер — «Фантом Пресс», 2020

ISBN 978-5-86471-917-6

Новый роман живого классика американской литературы – история о втором шансе и силе человеческих связей. Майка Мортимер – человек привычки. Младший брат пяти безалаберных сестер, простодушных, многодетных, он единственный поучился в университете, но к сорока с лишним годам так и не женился, предпочитая одиночество и строгий порядок. Он бегаёт по утрам, он методично соблюдает правила дорожного движения, он чинит компьютеры старым леди и пару раз в неделю встречается с необременительной подружкой. Жизнь без пылких надежд, зато и без разочарований, спокойная и душевно комфортная. И только странный обман зрения – каждый раз на пробежке Майка принимает пожарный гидрант за рыжего мальчишку. Это абберрация даже начинает тревожить Майку – уж не с глазами ли что-то, а может, с душой? А однажды на его пороге объявляется подросток, утверждающий, что он его сын. И комфортная, упорядоченная жизнь Майки летит в тартарары. Роман Энн Тайлер – это проникающий в самое сердце взгляд, в котором и понимание, и сочувствие, и юмор. История, полная радости от того, что всегда можно по-новому увидеть такой знакомый и привычный мир.

ISBN 978-5-86471-917-6

© Тайлер Э., 2020
© Фантом Пресс, 2020

Содержание

1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Энн Тайлер

Рыжик на обочине

Redhead by the Side of the Road
Copyright © 2020 by Anne Tyler

Книга издана при содействии Salky Literary Management, Claire Roberts Global Literary Management и The Van Lear Agency LLC

© Любовь Сумм, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», издание, 2022

1

Никому не известно, что творится в голове у такого человека, как Майка Мортимер. Он живет один, замкнуто; неизменный порядок его жизни словно выбит на каменных скрижалях. Каждое утро в семь пятнадцать он выходит на пробежку. В десять – десять тридцать приклепывает на крышу своей «киа» держащийся на магнитах знак «Технарь-отшельник». По вызовам он выезжает в разное время, но, кажется, ни дня не проходит без нескольких обратившихся за помощью клиентов. Во второй половине дня он возится во дворе, поскольку подрабатывает смотрителем дома, в котором живет. Подметает дорожки, вытряхивает коврики, ведет переговоры с сантехником. Вечером в понедельник, накануне вывоза мусора, он выставляет контейнеры в проулок; вечером в среду – другие контейнеры, с отходами, подлежащими переработке. Около десяти за тремя подслеповатыми окошками его квартиры, полускрытыми живой изгородью, гаснет свет. (Квартира находится в цокольном этаже и, должно быть, выглядит несколько угрюмо.)

Майка – высокий костлявый мужчина сорока с небольшим лет, с не слишком хорошей осанкой – голова слегка подается вперед, плечи немного сутулые. Волосы угольно-черные, но стоит ему пропустить ежедневное бритье, и в усах пробивается седина. Голубые глаза, нависающие брови, щеки впалые. Губы поджаты. Неизменный наряд – джинсы и футболка либо водолазка, в зависимости от времени года, а когда совсем холодно – потертая коричневая кожаная куртка. Обшарпанные коричневые ботинки с круглыми носами выглядят скромно, словно школьная обувь. На пробежку он выходит в простых старых грязно-белых кедах – никаких вам светящихся полосок, заполненных гелем подошв и прочих штукосов, что в почете у большинства бегунов, а вместо шорт – обрезанные по колено джинсы.

У него есть подруга, но живут они отдельно. Время от времени ее можно заметить у его двери с пакетом еды на вынос или утром выходного дня, когда они уезжают куда-то – уже без знака «Технарь-отшельник» на крыше. Друзей-мужчин у Майки вроде бы нет. С жителями дома он приветлив, но не более того. Они здороваются при встрече, он дружески кивает и машет рукой, не утруждаясь сказать хоть слово. Никому не ведомо, есть ли у него родня.

Дом, где он живет, расположен в Говансе, это маленький трехэтажный кирпичный кубик к востоку от Йорк-роуд на севере Балтимора. По правую руку пруд, в котором разводят форелей, слева – магазин подержанной одежды. За домом крошечная парковка, перед домом – крошечный газон. Неуклюжее крыльцо – проще сказать, цементные ступени – с занозистыми деревянными качелями, на которые никто в жизни не присядет, и вертикальный ряд звонков возле убогой белой двери.

Задумывается ли Майка порой над своей жизнью? Над ее смыслом и целью? Тревожит ли его мысль, что здесь ему предстоит провести следующие тридцать или сорок лет? Никто не знает. И вряд ли кто-то задавал ему этот вопрос.

* * *

Как-то в понедельник, ближе к концу октября, первый телефонный звонок потревожил Майку за завтраком. Обычно его утро строилось так: пробежка, душ, затем завтрак и небольшая уборка. Он очень не любил, когда что-то прерывало нормальную последовательность дел. Вынув из кармана мобильник, он глянул на экран: ЭМИЛИ ПРЕСКОТТ. С этой старушкой ему приходилось иметь дело настолько часто, что он внес ее в список контактов. Проблемы, возникающие у таких старых леди, решить проще всего, а вот вопросами они замучают. Им обязательно надо знать как и почему. «Как это могло случиться? – причитают они. – Вчера,

когда я ложилась спать, с компьютером все было в порядке, а с утра вон что творится! Я же к нему и пальцем не притрагивалась, я крепко спала!» – «Не беда, я уже все исправил», – отвечает в таких случаях Майка. «Но почему его пришлось исправлять? Отчего он сломался?» – «Нет смысла задавать такие вопросы насчет компьютера». – «Да почему же нет смысла?»

С другой стороны, старые леди – его хлеб и масло, а эта и жила поблизости, в Хоумленде. Майка нажал на кнопку «ответить» и произнес:

– «Технарь-отшельник».

– Мистер Мортимер?

– Я.

– Это Эмили Прескотт, вы меня помните? У меня стряслась беда!

– Что случилось?

– Понимаете, не могу заставить свой компьютер куда-нибудь зайти! Отказывается наотрез! Ни на один вебсайт не хочет зайти. А ведь вай-фай у меня работает.

– Перезагрузить пробовали? – спросил он.

– Это как?

– Выключить и потом снова включить. Я вам показывал.

– А, да! Дать ему тайм-аут, так я это называю. – Она легко рассмеялась. – Попробовала, да. Не помогло.

– Ладно, – сказал он. – Давайте заеду к вам примерно в одиннадцать?

– В одиннадцать часов?

– Именно.

– Но я хотела заказать подарок ко дню рождения внучки, он в среду, и необходимо заказать заранее, тогда доставка бесплатная.

Он промолчал.

– Что ж, – вздохнула она. – Хорошо, одиннадцать так одиннадцать. Буду ждать. Адрес вы помните?

– Помню.

Он отключил телефон и откусил уголок тоста.

Его квартира на самом деле больше, чем ожидаешь от полуподвального помещения. Вытянутое открытое пространство объединяет кухню и гостиную плюс две отдельные спальни и ванная. Потолки вполне приличной высоты, пол вымощен не слишком потертой плиткой цвета слоновой кости, в полосочку. У дивана бежевый коврик. Узкие окна под потолком мало что позволяли разглядеть, но, по крайней мере, Майка всегда мог судить, ясный ли выдался день, – в то утро как раз было ясно, – а теперь, когда деревья начали обнажаться, он видел и сухие листья, собиравшиеся у корней азалии. Попозже он возьмет грабли и разберется с листвою.

Он допил кофе, отодвинул стул от стола, встал, отнес посуду в раковину. У него имелась собственная система: оставить посуду отмокать, пока он протрет стол и кухонные шкафчики, уберет в холодильник масло, пройдет вертикальным пылесосом под стулом – вдруг уронил крошки. По расписанию для пылесоса отводилась пятница, но Майка предпочитал не запускать свое помещение и между уборками.

Понедельник предназначался для влажной уборки пола в кухне и ванной. «Штрашная швабрия», – сказал он, наливая в ведро горячую воду. Он часто беседовал сам с собой за работой, подпуская в речь тот или иной иностранный акцент. Нынче – немецкий или, может быть, русский. «Швабрия для поломоя». Предварительно пылесосить пол в ванной он не стал, не было нужды, с прошлой недели пол оставался безукоризненно чистым. Личная теория Майки гласила: если во время уборки ты замечаешь разницу – журнальный столик вдруг засиял, с ковра исчезли нитки, – значит, давно уже следовало прибраться.

Майка гордился порядком в своем доме.

Закончив влажную уборку, он сходил в помещение для стирки и вылил грязную воду в раковину. Прислонил швабру к бойлеру. Затем Майка вернулся в квартиру и прошелся по гостиной – расправил покрывало на диване, выбросил пару пустых пивных банок, взбил подушки. Мебели немного: диван, журнальный столик и уродливый коричневый шезлонг из пластика. Все это уже было тут, когда он въехал, Майка добавил к обстановке лишь металлический стеллаж для своих учебников и журналов по специальности. Прочее чтение – по большей части детективы и биографии – он брал в бесплатном книгообмене и возвращал, прочитав. Иначе пришлось бы покупать дополнительные полки.

Ну вот, пол в кухне просох, Майка вернулся туда, чтобы помыть, вытереть и убрать посуду после завтрака. (Некоторые оставляют посуду просто сохнуть, но Майка считал, что нагромождение тарелок выглядит неаккуратно.) Затем он надел очки без оправы – для дали, они требовались ему за рулем, – прихватил магнитный знак на машину и рабочую сумку и вышел через черный ход.

Эта дверь находилась позади дома, бетонные ступеньки вели отсюда наверх, к парковке. Поднявшись по лестнице, Майка остановился, присматриваясь к погоде: с тех пор как он вернулся с пробежки, потеплело и ветер стих. Правильно сделал, что не взял куртку. Майка наклеил на машину знак «Технарь-отшельник», сел за руль, включил двигатель и помахал рукой Эду Аллену, который, держа под мышкой коробку с ланчем, шел к своему пикапу.

За рулем Майка играл в такую игру: как будто всевидящая система наблюдения ежесекундно оценивает его действия. «Бог транспорта» – так он называл эту систему. Ею управляла большая команда мужчин в рубашках с закатанными рукавами, с зелеными козырьками на лбу. Они то и дело вслух восхищались тем, как Майка ведет машину. «Смотрите, он включает поворотник, даже когда сзади никого нет», – говорили они, например. Майка действительно всегда включал поворотник. Даже у себя на парковке.

Прибавляя скорость, он честно воображал помещенное под педалью газа яйцо, тормозил плавно, скользя и почти незаметно завершая движение. И всякий раз, когда другой водитель в последний момент вдруг решал перестроиться на полосу Майки, можно было не сомневаться: Майка сбросит скорость и поднимет левую ладонь в любезном жесте «после вас». «Видели? – говорили друг другу ребята из “Бога транспорта”. – У парня безупречные манеры».

По крайней мере, это хоть немного развеивало скуку.

Он свернул на Тенлейдейл-роуд и припарковался у тротуара. Протянул руку за рабочей сумкой, но тут зазвонил мобильник. Майка вытащил его из кармана и сдвинул очки на лоб, всматриваясь в экран. КЭССИЯ СЛЕЙД. Необычно. Кэсс – его подруга (он не собирался именовать женщину без малого сорока лет «герлфренд»), но в такой час они, как правило, не общались. Ей в это время полагалось быть на работе, по колено в четвероклассниках. Майка нажал кнопку «ответить».

– Что случилось? – спросил он.

– Меня выгоняют.

– То есть?

– Выгоняют из моей квартиры.

У нее был низкий, ровный голос, это Майка одобрял, но сейчас в голосе появилась предательская дрожь.

– Как тебя могут выгнать? – спросил он. – Тем более это даже не твоя квартира.

– Нэн явилась сегодня утром без предупреждения.

Нэн – основная квартиросъемщица. Она переехала вместе с женихом в кондоминиум у гавани, однако не отказалась от прав на квартиру. Кэсс это напрягало, но Майка Нэн понимал: всегда разумно иметь запасной вариант.

– Просто взяла и позвонила в дверь, внезапно, – продолжала Кэсс. – И я не успела спрятать кота.

– Ах да, кот, – сказал Майка.

– Я надеялась, он не полезет на глаза. Старалась заслонить от нее квартиру, надеялась, внутрь она не пойдет, но она сказала: «Я заехала забрать мою... это еще что?» – и уставилась через мое плечо прямо на Усика, а тот выглядывал из кухни, весь на виду, хотя обычно, ты же знаешь, Усик избегает чужих. Я попыталась ей объяснить, что я не планировала заводить кота. Рассказала, как нашла его, застрявшего в продухе подвала, но Нэн перебила: «Ты вовсе не о том говоришь, ты же знаешь, у меня смертельная аллергия. Достаточно на миг войти в комнату, где кошка побывала месяц тому назад, – сказала она, – достаточно одного волоска, оставленного кошкой на ковре, и я сразу... ой, боже, я уже чувствую, как горло распухает!» И она попятилась на площадку, а когда я хотела выйти следом, замахала на меня обеими руками. «Постой!» – сказала я, а она: «Я тебе позвоню». Сам знаешь, что это значит.

– Нет, не знаю. Что тут такого? – возразил Майка. – Ну позвонит она тебе вечером, отругает, а ты извинишься, и дело с концом. Разве что от Усика придется избавиться, я так понимаю.

– Я не могу избавиться от Усика! Он наконец-то поверил, что у него есть дом.

Вообще-то Кэсс казалась Майке вполне разумной женщиной, и эта история с котом сбивала его с толку.

– Послушай, – сказал он, – не забегай вперед. Пока что она всего лишь сказала, что собирается тебе позвонить.

– Куда же мне переезжать? – спросила Кэсс.

– О переезде и речи не идет.

– Пока не идет, – уточнила она.

– Давай ты подождешь, пока она об этом заговорит, прежде чем собирать вещи.

– Не так-то просто найти квартиру, куда пускают с домашними, – продолжала Кэсс, будто он и рта не открывал. – А если в итоге я окажусь на улице?

– Кэсс, в Балтиморе живут тысячи людей с домашними животными. Найдешь квартиру, честное слово.

Пауза. На том конце слышались голоса детей, но не очень близко. Наверное, сейчас перемена и Кэсс вышла на игровую площадку.

– Кэсс?

– Ладно, спасибо, что выслушал, – резко ответила она и отключилась.

Он еще мгновение смотрел на экран, потом вернул на место очки и сунул телефон в карман.

* * *

– Я самая глупая курица среди ваших клиентов? – спросила его миссис Прескотт.

– Вовсе нет, – честно ответил он. – Даже в первую десятку не входите.

Его позабавило выбранное ею слово – старушка и впрямь немного смахивала на курицу. Маленькая круглая голова, и на тоненьких, как зубочистки, ножках – единый шар груди и живота. Даже дома она носила туфли с небольшим каблучком, отчего ей приходилось семенить, слегка припрыгивая.

Майка сидел на полу под рабочим столом – массивным антикварным секретером с поразительно маленькой рабочей поверхностью. (Куда только люди не ставят свои компьютеры! Как будто не вполне понимают, что им уже не придется писать чернильными ручками.) Он выдернул два провода из узла, опутавшего сетевой фильтр, – один с меткой «МОДЕМ», другой с меткой «РОУТЕР», обе надписи были выведены его твердым почерком – и замер, следя за секундной стрелкой своих часов.

– Порядок, – сказал он наконец, воткнул на место провод модема и снова принялся следить за секундной стрелкой.

– Моя подруга Глинда, – заговорила миссис Прескотт, – вы ее не знаете, я все время ей твержу, что она должна связаться с вами. Она своего компьютера боится! Только почтой в нем и пользуется. Не хочет давать ему лишнюю информацию, так она говорит. Я ей рассказала о вашей книжице.

– М-м, – пробормотал Майка. Его книжка называлась «Первым делом подключи», и она стала одним из бестселлеров «Вулкотт паблишинг», но поскольку «Вулкотт» – издательство сугубо местное, разбогатеть Майка не рассчитывал.

Он подключил провод роутера и начал выбираться из-под стола.

– Самая трудная часть моей работы, – признался он миссис Прескотт, с трудом привставая на колени. Ухватился за край стола и поднялся.

– Ой, полно, вы слишком молоды, чтобы жаловаться, – сказала миссис Прескотт.

– Молод! В ближайший день рождения мне исполнится сорок четыре.

– Вот именно! – сказала миссис Прескотт и добавила: – Я говорила Глинде, что вы иногда соглашаетесь давать уроки, но она уверяет, что все забудет через две минуты после вашего ухода.

– Совершенно верно, – ответил Майка. – Пусть просто купит мою книгу.

– Но уроки намного – ой! Смотрите! – Миссис Прескотт уставилась на экран компьютера, сложив руки лодочкой. – «Амазон»! – восторженно произнесла она.

– Да, «Амазон». Ну так что? Вы следили за тем, как я это сделал?

– Ну, я... не совсем.

– Я выключил ваш компьютер, выдернул провод модема, выдернул провод роутера. Видите – каждый из них надписан.

– Ох, мистер Мортимер, мне нипочем столько всего не запомнить!

– Как хотите, – сказал он, взял свою папку с зажимом и принялся выписывать чек.

– Я думаю заказать внучке афроамериканскую куклу-младенца, – сообщила миссис Прескотт. – Что вы на это скажете?

– Ваша внучка афроамериканка?

– Вовсе нет.

– Тогда, по-моему, это странновато, – сказал он.

– Ой, мистер Мортимер, мне бы не хотелось, чтоб подарок был странноватый!

Он оторвал верхний листок с ее копией счета и вручил его клиентке.

– Мне даже неловко брать с вас деньги, – сказал он. – Мне толком и работать не пришлось.

– Не надо так говорить! – возразила она. – Вы мне жизнь спасли. Я бы вам и втрое заплатила!

И она ушла за чековой книжкой.

По правде говоря, размышлял он на обратном пути, даже если бы она и платила втрое, эта работа едва могла его прокормить. С другой стороны, такая работа ему нравилась, и, по крайней мере, он сам себе начальник. Майка терпеть не мог, когда им кто-то командовал.

Было время, от него ожидали большего. Он первым в роду поступил в университет: отец работал в Балтиморской электрогазовой компании – обрезал деревья, – а мать была официанткой, и все четыре сестры служат в ресторанах до сих пор. Майка был их лучезарной звездочкой. Был да сплыл. Прежде всего, ему пришлось братья за всякие подработки, поскольку стипендия покрывала лишь часть расходов, а это мешало учебе. Но важнее другое: университет просто не совпал с картинкой в его голове. Майка думал, что там он найдет все ответы, единую сжатую Теорию Всего и сможет организовать свой мир в соответствии с ней, а на самом деле университет оказался продолжением старших классов: все те же учителя что-то вновь и вновь твердят у доски, все те же ученики вертятся и перешептываются друг с другом на лекции. Его

энтузиазм угас. Он зря болтался в университете, дважды менял основной курс и в итоге попал на информатику – это, по крайней мере, казалось чем-то определенным, да или нет, черное или белое, все так же логично и упорядоченно, как в игре в домино. В середине выпускного курса (Майке понадобилось пять лет, чтобы добраться до него) он бросил университет и вместе со своим однокашником Дьюсом Болдуином основал компанию по производству софта. Дьюс вложил деньги, а Майка – мозги, конкретно – свою программу для сортировки и архивации почты. По нынешним временам это динозавр, многое с тех пор изменилось. Но тогда программа была ответом на вполне реальную потребность, и тем печальнее, что с Дьюсом было невозможно найти общий язык. Богачи! Все они одинаковые. Тянут на себя одеяло, весь мир перед ними в долгу с самого рождения. Отношения между партнерами ухудшались, дошли до прямой ссоры, и Майка уволился. Он даже свою программу забрать не смог, потому что не хватило дальновидности оформить права на нее.

Он заехал на свое парковочное место и заглушил двигатель. На часах 11:47. «Безупречно», – промурлыкал бог транспорта. Вся поездка туда и обратно – без единой ошибки, запинки или помарки.

Право, жизнь вполне удалась. Нет причин для недовольства.

* * *

Клиенту понадобилось почистить компьютер от вирусов – готовился принимать оплату онлайн в своем продуктовом магазинчике. Между выездами Майка заглянул в квартиру 1В проверить неисправный выключатель. В квартире 1В проживала Йоланда Пальма, впечатляющего облика женщина пятидесяти с чем-то лет: развевающаяся грива темных волос, горестно обвисшее лицо.

– Что нового у вас? – спросила она.

Майка в это время замерял напряжение. Она всегда вела себя так, словно они старинные друзья, чего и в помине не было.

– Ну, – сказал он, – ничего особенного.

С тем же успехом мог вовсе не отвечать, она уже заговорила о своем:

– А у меня снова все то же. Зарегистрировалась на совершенно новом сайте знакомств и начала все сначала. Некоторые люди никогда ничему не учатся, так я понимаю.

– И как оно? – спросил Майка. Выключатель в стене был мертв как пень.

– Ну, вчера вечером я договорилась с парнем с сайта выпить в «Глоток в глотку». Инспектор недвижимости. Писал, что в нем шесть футов и дюйм, но сами знаете, как это бывает. И пару килограммов сбросить ему не мешало бы, хотя не мне такое говорить, да? Мало того – выясняется, что он всего три с половиной недели назад развелся. Три с половиной – как будто он считал дни, в худшем смысле слова. Как будто развод для него – трагедия. И точно, он сразу же пустился рассказывать, какая его бывшая красотка, хоть в модели. Платья, мол, носила второго размера. Вся обувь у нее была на шпильках, ни одной пары без каблука, и от этого сухожилия в пятке или еще где укоротились и пальцы на стопах всегда смотрели вниз. Если она шла ночью босиком в туалет, ей приходилось ступать на цыпочках. Его послушать, это ах как привлекательно, а мне привиделась женщина с копытами, понимаете, о чем я?

– Понадобится новый выключатель, чтобы решить проблему, – сообщил ей Майка.

Она как раз зажгла сигарету, и прежде чем ответить, ей пришлось выдохнуть дым.

– И вот, – продолжила она как ни в чем не бывало, роняя зажигалку в карман, – выпили мы по одной, и я говорю: «Поеду-ка я лучше домой». – «Домой! – говорит он. – Я-то думал, – говорит, – мы поедем ко мне». И он вытянул руку, стиснул мою коленку и смотрит мне в глаза со значением. Я тоже посмотрела на него. Так и застыла. Ни слова не могу сказать. Наконец он убрал свою руку и говорит: «Ну или не поедем. Если так».

– Ха, – сказал Майка.

Он уже привинчивал на место накладку. Йоланда задумчиво следила за ним, всякий раз отгоняя одной рукой дым, когда выдыхала.

– Сегодня дантист, – сказала она.

– Попробуете еще раз?

– Этот никогда не был женат. Не знаю, хорошо это или плохо.

Майка наклонился, убирая отвертку обратно в набор инструментов.

– Придется подождать денек-другой, пока я съезжу в магазин, – предупредил он.

– Я буду тут, никуда не денусь.

Она всегда была тут, как ему казалось. Непонятно, как зарабатывала себе на жизнь.

Провожая Майку к дверям, она спросила:

– Что скажете? – И внезапно хищно улыбнулась, выставив напоказ все зубы, крупные и необычайно ровные, словно двойной ряд клавиш.

– О чем? – уточнил он.

– Дантист одобрит, как считаете?

– Конечно, – сказал он.

Хотя подозревал, что дантист может и придаться к ее курению.

– Сообщения, что он писал мне, вполне милые, – сказала она и сразу приободрилась, просияла, даже лицо уже не выглядело таким обвисшим.

* * *

Обычно вечера понедельника он и Кэсс проводили врозь. Но последним клиентом в тот день оказался ортопед, чей кабинет находился по ту сторону Белтвея. Возвращаясь от него, Майка заметил красно-белые каракули – вывеску своего любимого барбекю. Поддавшись порыву, он свернул на парковку и послал Кэсс эсэмэску: «Привезти на ужин Энди Нельсонов?» Она откликнулась сразу – значит, уже вернулась с работы: «Отличная идея». Он заглушил двигатель и зашел внутрь сделать заказ.

Было начало шестого, пришлось ждать в толпе одетых в мешковатые комбинезоны рабочих, юных, переплетшихся телами парочек и измученного вида женщин в окружении вопящих детей. От запаха дыма и уксуса Майка почувствовал голод – на ланч он съел всего лишь сэндвич с арахисовым маслом и изюмом. В результате он заказал чуть не вдвое больше, чем следовало, – кроме ребрышек, еще и капусту, и картофельные дольки, и кукурузный хлеб, два пакета с ручками набил. И всю дорогу, пока он ехал к Кэсс, его терзали доносившиеся с заднего сиденья запахи.

Наступил час пик, радио в машине предупреждало о пробках, но Майка сумел отрепшиться, руки его спокойно лежали на руле. Дальние холмы как будто окислились, за сутки деревья покрылись оранжевым туманом.

Кэсс жила поблизости от Хартфорд-роуд. Ее дом с первого взгляда можно было принять за семейный особняк – посеревшая, некогда белая обшивка, тесное крыльцо, внутри подъезда, справа, лестница, которая вела на второй этаж в ее квартиру. На площадке Майка перехватил оба пакета одной рукой и постучал.

– Божественный аромат, – сказала Кэсс, впуская его. Она взяла один пакет и повела Майку в кухню.

– Я был в Кокисвилле, и машина вроде как сама собой зарулила на парковку, – пояснил он. – Кажется, я набрал слишком много.

Он поставил свой пакет на столик и наскоро поцеловал Кэсс.

Она все еще была в рабочей одежде – какой-то свитерок, какая-то юбка, приглушенные, сдержанные цвета; Майка принимал такой стиль, толком не рассматривая, во что Кэсс одета.

Вообще-то ему нравилась наружность Кэсс. Высокая женщина с неторопливыми движениями, существенной грудью и широкими бедрами, из солидных черных туфель с небольшим каблучком поднимались крепкие лодыжки. Да и в целом она была солидной, и это вроде как заводило Майку. Он перерос интерес к девочкам-веточкам. Лицо Кэсс было широким и спокойным, глаза – глубокого серо-зеленого оттенка, пшеничные прямые волосы свисали почти до плеч, пробор сделан наугад, стрижка самая простая. Взгляд Майки отдыхал на этой женщине.

Она уже и на стол накрыла, поставила в центр рулон бумажных полотенец – когда ешь ребрышки барбекю, салфетками не обойтись. Пока она выкладывала еду из пакетов, Майка достал из холодильника две банки пива, вручил одну Кэсс и уселся напротив нее со второй.

– Как день прошел? – спросила она.

– Нормально. А у тебя?

– Ну, если не считать того, что Нэн теперь знает про Усика...

– Да-да, – подхватил он. Совсем забыл об этом.

– Я вернулась домой, а на автоответчике сообщение от нее – просит ей перезвонить.

Майка ждал продолжения. Кэсс положила себе капусту и передала ему коробочку.

– Так что она тебе хотела сказать? – спросил он наконец.

– Пока не знаю.

– Ты не перезвонила?

Кэсс отделила три ребрышка от пластиковой упаковки. Губы она сжала (упрямо, подумал Майка). Внезапно проступила та девочка, какой она была давным-давно.

– Нет смысла откладывать, – сказал он. – Только затягиваешь.

– Соберусь – позвоню, – оборвала она его.

Он решил оставить эту тему. Вгрызся в ребрышко.

* * *

Находясь у себя в квартире, Кэсс если не спала, то всегда что-нибудь включала – музыку, новости, что угодно. По утрам NPR, вечером телевизор, неважно, собиралась она его смотреть или нет. Во время еды из радио на кухне непрерывным потоком струилась легкая музыка. Майка, любитель тишины, старался не обращать внимания, но постепенно невнятное раздражение нарастало, и он замечал наконец, что именно он слушает. И сейчас тоже спросил:

– Можно слегка приглушить?

Кэсс отрешенно глянула на него и повернула ручку, сделав немного тише. Он бы предпочел, чтобы она вовсе выключила звук, но это значило бы требовать от нее чересчур многого.

Они с Кэсс были вместе около трех лет и достигли той стадии отношений, когда все более или менее определилось, выработались компромиссы, удалось приспособиться к тому, что каждого не слишком устраивало в партнере, а на мелочи оба научились смотреть сквозь пальцы. Можно сказать, сложилась система.

Лишь ближе к концу трапезы Кэсс вновь заговорила о Нэн.

– У нее у самой-то все есть! – сказала она. Майка сперва и не понял, к чему Кэсс клонит, но она продолжала: – Огромный золотистый ретривер! Ну да, не ее собственный, жениха, но все равно. Казалось бы, могла бы и понять, почему я не готова расстаться с Усиком.

Майка никак не мог привыкнуть к тому, что Кэсс дала коту такое нелепое прозвище. Можно же подобрать что-то более взрослое и достойное. Герман, например, или Джордж. Но разумеется, он никогда не высказывал свое мнение.

– А где же сейчас Усик? – надумал он спросить. Оглядел кухню – кота нигде не видать.

– То-то и обидно, – ответила Кэсс. – Ты же знаешь, стоит кому-нибудь прийти, он сразу исчезает. И вот нелепая случайность – надо же ему было высунуться как раз тогда, когда я открыла дверь Нэн.

– А по делу-то что? – спросил он. – Нэн собирается отказаться от аренды и уступить ее тебе? Она с этим парнем помолвлена дольше, чем мы с тобой знакомы.

– Хороший вопрос, – сказала Кэсс. – Другие люди знакомятся, влюбляются. Съезжаются и вступают в брак. Нэн, видимо, не читала инструкции.

Майка выдержал короткую паузу, а потом спросил, что поделывает Димолей – самый трудный ученик, доставлял Кэсс хлопот больше всех. Хаос воцарялся, едва этот парень переступал порог класса, но он жил в машине вместе с бабушкой, и Майка знал, что в глубине души Кэсс его жалеет.

В школьном буфете Димолей ткнул Дженнаю в спину пластмассовой линейкой и сказал, что это нож-выкидушка. Вот о чем интересно поболтать.

Поужинав, они убрали со стола, составив тарелки на шкафчик у раковины, потому что Кэсс, в отличие от Майки, не считала, что необходимо все вымыть, прежде чем покинуть кухню. Тарелки у нее были из настоящего фарфора, столовых приборов – полная дюжина, а еще всякие приспособления вроде сушилки для салата и подставки для ножей. Мало того – в гостиной стояла весьма основательная мебель со множеством подушек, и все ткани были строго подобраны, а на многочисленных столиках расставлены растения в горшках и керамические статуэтки. С точки зрения Майки, малость загромождено, однако впечатление это производило; порой ему казалось, что по сравнению с ее домом его квартира недостаточно «взрослая».

Они перебрались в гостиную и смотрели вечерние новости, сидя на диване по обе стороны от кота, который наконец удостоил их своим обществом. Это был черный худощавый юнец и правда с замечательно длинными белыми усами, он втиснулся между Кэсс и Майкой, зажмурился и замурлыкал. Телевизору приходилось перекрикивать музыку, все еще доносившуюся из кухни, пока Майка не сходил и не выключил радио. Как только Кэсс выдерживает непрерывные потоки звуков? У него от такого мозг словно раздваивался.

Его бы воля, он бы и вовсе без новостей обошелся. Честно говоря, Майка готов был махнуть рукой на эту страну. Похоже, все летело к черту, и лично он ничего не мог с этим поделать. Но Кэсс очень сознательная, ей непременно требовалось усвоить каждую вгоняющую в депрессию подробность. Она сидела в затемненной гостиной очень прямо, напряженно смотрела в телевизор, его свет золотил ее профиль и изгиб шеи. Майка любил этот изгиб. Он подался ближе и прижался губами к пульсирующей жилке под челюстью. Кэсс на миг склонила голову к его голове, но не отрывала глаз от экрана.

– Понадобится десять лет, чтобы компенсировать тот вред, который мы наносим планете за день, – сказала она. – А многое и вовсе не удастся исправить никогда.

– Может, я останусь на ночь? – прошептал ей на ухо Майка.

– У меня завтра школа, ты же знаешь, – ответила она и погладила его по руке.

– Только в этот раз, – сказал он. – А утром, честное слово, проснусь рано и сразу же выметусь отсюда.

Но она сказала:

– Майка?

Она произнесла это вопросительным тоном, словно он чего-то недопонял и она на это указывает, – но сообразить, что он недопонимает, Майка не смог. Она почти всегда позволяла ему остаться. Но сейчас отодвинулась и сказала:

– И к тому же ты ведь еще должен сегодня выкатить мусорные контейнеры, если я не ошибаюсь.

– Вот спозаранку и выкачу, – ответил он.

– А я еще не все оценки проставила, – сказала она.

Майка умел отступить вовремя. Вздохнув, он ответил:

– Ладно, ладно! – И, как только началась очередная реклама, поднялся уходить.

– Остатки с собой не возьмешь? – спросила Кэсс, провожая его к двери.

– Съешь сама, – сказал он.
– Хорошо, спасибо.
– Послушай! – обернулся он к ней. – Давай я завтра приготовлю мое всемирно известное чили. А ты приедешь к ужину и привезешь кукурузный хлеб.
– Ну не знаю...
– Чили на кукурузном хлебе! Ням-ням, – соблазнял он.
– Хорошо, – сказала она, – наверное, получится. Если только пораньше.
Она открыла дверь и наконец-то поцеловала его по-настоящему, а затем отступила, давая ему пройти.

* * *

На обратном пути дорога была практически пуста, но тем не менее Майка соблюдал ограничения скорости. Он не признавал теорию, будто законы допускают небольшие отступления. Если 35 миль в час можно трактовать как 38, то пусть сразу так и скажут: 38 миль в час.

«Вполне разумно», – одобрительно прокомментировал бог транспорта.

Майка ехал на запад по Норзерн-парквей. Свернул влево на Йорк-роуд – разумеется, сначала включив поворотник, хотя и ехал по полосе, предназначенной исключительно для собирающихся свернуть влево. Какое-то беспокойство слегка покалывало его мозг. Ему показалось, что Кэсс была не так нежна, как обычно. И с каких это пор ее волнует, нужно ли ему сегодня выкатывать мусорные контейнеры? Но она не из тех, кто склонен к таинственным обидам, как некоторые женщины, а потому Майка отмахнулся от таких мыслей и начал насвистывать «Лунный свет в Вермонте» – последнюю песенку, прозвучавшую по ее радио.

Дальше по Йорк-роуд уже знакомые магазинчики и кафе. Почти все они к этому часу были закрыты, погасшие неоновые вывески едва различимы в сумерках. Снова налево, на Роско-стрит, потом направо прямо у магазина подержанной одежды – и на парковку.

Он вылез из машины, прихватив с пассажирского сиденья рабочую сумку, снял с крыши знак «Технарь-отшельник» и поставил и то и другое на верхнюю ступеньку крыльца. Потом принялся выкатывать в переулок мусорные контейнеры. В 2В – контейнере мистера Лейна – из-под крышки торчала длинная картонная туба от почтовой посылки. Макулатура – в день вывоза перерабатываемых отходов!

– О-ля-ля, месье! – укоризненно произнес Майка. – Вы засранэс. – Так, по его мнению, французы выговаривали слово «засранец». И, покачав головой, поставил этот контейнер рядом с правильным, из 2АВ.

Некоторые люди просто не в состоянии усвоить правила.

2

На следующее утро, довольно рано, на грани пробуждения, Майке приснилось, будто в проходе супермаркета он наткнулся на малыша. Завернул за угол – и вот он, сидит в одном подгузнике на полу перед полкой с хлопьями для завтрака.

Майка резко остановился и уставился на ребенка. Ребенок в ответ уставился на него, вполне жизнерадостно – типичный круглолицый розовощекий младенец с пушком коротких светлых волос. И ни одного взрослого в поле зрения.

Майка медленно приходил в себя, словно проталкиваясь сквозь слои сна. Открыл глаза, поморгал, уставившись в потолок. Все еще тревожила мысль, что делать с ребенком. Отнести в бюро находок, наверное, но для этого ребенка придется взять на руки, а вдруг он заплачет? И тут ему на помощь прибегут родители и – вполне вероятно – сделают неверный вывод или даже обвинят Майку в попытке похищения. Как же их убедить, что он ничего дурного не имел в виду? Со стороны-то его действия выглядели скверно.

Он выключил будильник прежде, чем заработало радио, и выбрался из постели, но младенец так и застрял у него в голове. Он никак не мог понять, почему малыш выглядел таким невозмутимым. Тот словно заранее знал, что Майка вот-вот придет. И даже во время пробежки, глотая колкий воздух, Майка вновь ни к селу ни к городу подумал, что если бы сейчас ухватил младенца ледяными руками, напугал бы его до колик.

Скривился и прибавил скорость, стряхивая с себя остатки сна.

В такой час все тротуары принадлежали ему одному. Чуть позже выступит рать собаководовладельцев, заспешат матери, провожающие детей в школу. Его маршрут представлял собой сильно вытянутый овал – сначала на север, потом на запад, а там, на западе, школ полно.

Майка никогда не бегал в очках. Ненавидел это ощущение, когда они подпрыгивают на носу, потому и не надевал. А еще туманятся, когда он потеет. Жаль, конечно, потому что в последние годы он стал видеть намного хуже. Не ослеп, разумеется, ничего подобного – просто он старел, как неделикатно пояснил его окулист. По ночам дорожная разметка становилась почти неразличимой, на прошлой неделе он попытался раздавить черного паука, а на самом деле это был клубок ниток. На пути домой он и сегодня, как обычно, на миг принял выпцветший до блекло-розового оттенка глиняного цветочного горшка пожарный гидрант за ребенка или очень приземистого взрослого. Что-то такое было в скругленной верхушке гидранта, проступавшей постепенно, по мере того как Майка спускался по склону дороги к перекрестку. Да что там этот рыжик делает на обочине? – спрашивал он себя каждый раз, потому что хоть и знал уже, что это всего лишь гидрант, но каждое утро на один краткий миг снова и снова обманывался.

Оставив загадочный гидрант позади, Майка перешел на шаг, отдуваясь, уперев руки в бедра, стараясь вобрать больше воздуха в легкие. Он миновал «Миссию доброты» и магазин автозапчастей, на своей улице прошел мимо хозяйства, где разводили форель, и свернул на потрескавшиеся камни дорожки к дому. На ступеньке сидел юноша в бежевом вельветовом блейзере – юноша или даже мальчишка, едва ли ему исполнилось двадцать.

– Привет, – сказал он Майке, вставая.

– Привет, – ответил Майка и слегка отклонился от прямой, поднимаясь по ступенькам, чтобы обойти мальчика.

– Э, – пробормотал мальчик.

Майка обернулся к нему.

– Вы здесь живете? – спросил мальчик.

– Ага.

А паренек из богатеньких, прикинул Майка. Красивый, ухоженный, держится уверенно. Аккуратно подстриженные темные волосы подчеркивают форму головы, воротник белой рубашки сзади стоит ровно, рукава блейзера засучены почти до локтей (Майка считал это манерным).

– Мистер Мортимер? – спросил мальчик.

– Да?

– Мистер Майка Мортимер?

– Да?

Мальчишка вздернул подбородок и произнес:

– Я Бринк Адамс.

Ожидаемо – какое-нибудь вычурное имя. Бринк.

– Что ж, привет, – выжидающе ответил Майка.

– Бринк Бартелл Адамс, – с нажимом добавил мальчик.

Он вкладывает в это какой-то смысл? Да, но какой?

– Будем знакомы, – сказал Майка.

– Сын Лорны Бартелл.

Майка уронил руки, до той поры упиравшиеся в бока, и сказал:

– Ого!

Бринк несколько раз кивнул.

– Лорна Бартелл! – сказал Майка. – Быть не может. Как у Лорны дела, а?

– У нее все в порядке.

– Подумать только, – сказал Майка, – я про Лорну не вспоминал уже лет... Ну и ну! Чем она теперь занимается?

– Она юрист, – сказал Бринк.

– Неужели! – сказал Майка. – Вот уж не ожидал.

– Почему не ожидали? – спросил Бринк, склонив голову набок. – А кем вы ее себе представляли?

По правде говоря, Майка никогда об этом не задумывался.

– Да ладно, – сказал он, – последний раз, когда мы виделись, она была всего лишь, сколько помню, первокурсницей, типа того...

– Второкурсницей, – поправил его Бринк.

Мальчик ошибался, но Майка не стал спорить.

– Во всяком случае, тогда она, думаю, еще и сама знать не знала, кем собирается стать, – сказал он.

Казалось, Бринк все еще чего-то ждет, но Майка понятия не имел чего.

– Так что? – спросил он. – Живете здесь поблизости?

– Нет, я проездом, – сказал Бринк. – Решил заглянуть к вам.

– Ну это как-то...

– Найдется время выпить кофе, например?

– Хм, конечно, – сказал Майка. – Зайдете?

– Спасибо.

Будь Майка один, он бы отпер парадную дверь и напрямик направился в свой полуподвал, но тогда пришлось бы провести Бринка через комнату для стирки и бойлерную, а это почему-то казалось неправильным, хотя Майка и не сумел бы объяснить почему. Он спустился с крыльца и пошел по боковой дорожке к парковке. Бринк следовал за ним по пятам.

– Где сейчас живет мама? – кинул ему через плечо Майка, когда они спускались по наружной лестнице. Голосу его вторило слабое эхо.

– Она в Вашингтоне.

– Вот как?

Он забыл название городка, откуда Лорна родом, это было какое-то местечко на западе Мэриленда, она собиралась вернуться туда после учебы. Говорила, что жить может только среди гор, ей, мол, нравится, как они смягчают линию горизонта, где земля встречается с небом. И вот как оно обернулось! Юрист в Вашингтоне. Взрослый сын, который закатывает рукава блейзера.

Майка отпер заднюю дверь, отступил, пропуская вперед Бринка.

– Предупреждаю: сливки у меня закончились, – сказал он, входя в кухню.

– Ничего страшного.

Майка указал на один из стульев у пластикового стола. Бринк выдвинул стул и уселся. Глянул в сторону гостиной зоны, в которую переходила кухня.

– Прошу прощения за беспорядок, – сказал Майка. – Я стараюсь покончить с пробежкой тут же, как проснусь.

А сразу после пробежки он принимал душ. Пот уже подсыхал на спине, кожу пощипывало. Но Майка достал из шкафчика молотый кофе и принялся отмерять его ложечкой. Кофе он варил в старом электрическом перколяторе, который нашел в квартире при переезде. Стекло-лянная крышка была обмотана посеревшим пластырем, внутрь не заглянешь, но кофе получался неплохой. Майка налил в перколятор воду и включил его.

– С сахаром? – спросил он.

– Да, спасибо.

Майка выставил на стол сахарницу, положил возле нее ложку. Сел напротив Бринка и всмотрелся: да, Бринк вполне может быть сыном Лорны, хотя если бы парень сам не сказал, Майка бы не догадался. Такие же темные волосы (только у Лорны были длинные, струящиеся) и глаза – тоже темные и с острыми уголками, словно глаза лани. А рот другой. Верхняя губа изогнута, посередине ямочка – у Лорны рот был прямой и строгий.

– Значит, – заговорил Майка, – мама стала юристом в Вашингтоне. По каким именно делам?

– Работает в правозащитной организации.

– Ясно.

Значит, не крутая женщина-юрист, как ему поначалу представилось. Впрочем, все сходится. Ее семья принадлежала к какой-то из фундаменталистских церквей, и Лорна смолоду намеревалась творить добро. Однако богатенький сынок в эту картину пока не вписывался.

– А чем занимается отец?

– Тоже юрист. Корпоративный.

– Ага.

Майка рассеянно побарабанил пальцами по столу. За спиной булькал перколятор.

– Они оба, типа, очень целеустремленные, – продолжал Бринк. – Все время спрашивают меня, какие цели я себе ставлю. А я понятия не имею! Я только-только поступил в колледж Монтроз! И это, по их понятиям, провал, они-то рассчитывали, что я поступлю в Джорджтаун, где учился отец. Он особенно разочарован. Что бы я ни делал, отцу не угодишь.

– Непросто тебе приходится.

– Мы с ним как вода и масло, – сказал Бринк. – Я больше похож на вас.

– На меня? – удивился Майка. – Что ты обо мне знаешь?

– Вы беретесь за разную работу. Вы не упертый профессионал-карьерист.

Превосходно, теперь он – образец для никчемушников.

– Откуда тебе это известно?

– Мама говорила.

Майка сморгнул. Лорна продолжала интересоваться его жизнью?

– Я нашел вашу фотографию в коробке из-под обуви, – сказал Бринк. – Среди других фотографий ее университетской поры. Вы с ней стоите под кизилловым деревом, и вы обнима-

ете ее за плечи. Я показал эту фотографию маме и спросил: «Кто это?» – и она ответила: «О! Это Майка. Майка Мортимер» – и сказала, что вы были ее любовью. На всю жизнь.

– Она так сказала?

– Ну, она сказала, что она тогда так думала.

– А!

– Я спросил, где вы теперь, и она сказала, когда она в последний раз слышала о вас, вы были кем-то вроде компьютерного гуру в Балтиморе. Ей говорила тетя Марисса.

– Тетя? А! – отозвался Майка. Должно быть, Марисса Бэйрд, решил он, – соседка Лорны по университетскому общежитию.

– Мама сказала, вы часто меняли траекторию, так что она не была уверена, занимаетесь ли вы этим по-прежнему.

Перколятор забурлил, забился в припадке – значит, кофе почти готов. Майка встал и пошел за кружками. Подождал, пока унялось бурление, наполнил кружки, принес их на стол.

– Тетя Марисса все еще ездит на встречи выпускников, – сказал Бринк. – Она знает все про всех.

– На нее похоже, – сказал Майка и подвинул сахарницу Бринку.

– Вас не очень трудно было найти, – сообщил Бринк.

– Да, наверное, не особо трудно, – согласился Майка.

– «Майка Мортимер, хозяин». Прямо как вывеска магазина в вестернах, верно? Клево!

– Спасибо на добром слове, – сухо ответил Майка.

Отхлебнул кофе. Уставился на полосу солнечного света на полу. Та малость света, что просачивалась в окно над раковиной, всегда принимала форму горизонтальной полосы.

– Вопрос в том, зачем тебе понадобилось меня искать, – сказал он.

Бринк размешивал сахар в кружке, но тут остановился и поднял голову.

– Понимаете, – сказал он, – всем очевидно, что я не вписываюсь в семью. Среди них я словно... словно урод какой. Они все такие... А я похож на вас.

– Ты же меня совсем не знаешь, – напомнил Майка.

– Гены тоже что-то значат, – возразил Бринк, пристально глядя ему в глаза.

– Гены?

Бринк молчал.

– Не понимаю, – сказал наконец Майка.

– Думаю, вы все поймете, если подумаете, – сказал Бринк.

– В смысле?

Бринк демонстративно вздохнул.

– Нужно все словами? – спросил он. – Вы и мама... Вы были вместе... Мама забеременела...

– Что?!

Бринк все так же пристально смотрел на него.

– Но мама ведь не говорила, будто я имею к этому какое-то отношение! – сказал Майка.

– Мама вообще ничего не говорила. Никогда. Всякий раз, когда я спрашивал, кто это был, она отвечала: это несущественно.

– Несущественно, – повторил Майка. Он чуть было не засмеялся, но пожалел мальчика. – Ладно, давай уделим этому делу минутку, – предложил он. – Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, – ответил мальчик.

– Восемнадцать. Так. А я бросил универ двадцать – двадцать с лишним лет назад. К тому времени мы с твоей мамой давно уже не были парой, несколько месяцев вовсе не виделись. К тому же...

К тому же у них с Лорной никогда не было секса. Лорна носила специальное золотое кольцо, которое выдавали в ее церкви, оно означало, что она «сберегает себя», как она выра-

жалась, и Майка не пытался ее уговаривать. Он, пожалуй, восхищался ее категоричностью – да, можно так сказать. Да, именно категоричность и делала Лорну такой привлекательной! Но едва ли уместно обсуждать это с ее сыном.

С сыном, который слепо таращился на него. Лицо парня словно застыло.

– Но это... – пробормотал он. – Погодите, это же невозможно.

– Почему невозможно? – поинтересовался Майка.

– Мне вы можете сказать правду, – сказал Бринк. – Я же не собираюсь подавать на алименты или еще что. У меня и так есть отец. Он официально усыновил меня, кстати говоря, когда женился на маме. От вас мне ничего не требуется.

– Может, твой отец и есть твой отец, – сказал Майка. – В смысле, биологический.

– Нет. Мама познакомилась с ним, когда мне было уже два года.

– А!

Лицо Бринка изменилось. Он словно бы принял решение рассердиться. Резко отодвинул от себя кружку. Кофе выплеснулся на стол.

– Это были вы, – сказал он. – Кто же еще?

– Понятия не имею, – ответил Майка.

– Вы единственный в этой коробке из-под обуви похожи на бойфренда.

– Послушай, – сказал Майка, – я даже не знал о беременности. Спрашивать надо ее, а не других.

Бринк все так же злобно таращился на Майку.

– Сто раз спрашивал, – сказал он. – А она говорит, важно только одно: что папа меня вырастил.

– Она права, – кивнул Майка.

– А как насчет генетического наследия? Может, мне потребуется узнать насчет каких-то болезней, которые могли передаваться по этой линии.

– Ну, если тебя это утешит, в моем роду, насколько я знаю, никаких таких болезней нет, – сказал Майка.

Он хотел слегка разрядить обстановку, но по лицу Бринка догадался, что опять допустил промах.

– Да шучу я, шучу, – сказал он. – Кофе подлить?

Бринк покачал головой.

На кухонном шкафчике задребезжал мобильный Майки. Майка поднялся и пошел глянуть на экран. Номер незнакомый. Он снял телефон с зарядки и поднес к уху.

– Технарь-отшельник, – представился он.

– Это Майка Мортимер?

– Да.

– Слава богу. Трудненько вас отыскать. Вы, наверное, меня не помните, я Кит Уэйн, вы меня выручили несколько лет назад, когда работали в «Компьютерном мастере». Ну вот, я больше не хочу обращаться к «Компьютерному мастеру», они там мышей не ловят, я уж понял... – Голос на миг умолк, вероятно предоставляя Майке возможность согласиться с этим обвинением.

Вообще-то Майка не был согласен: в «Компьютерном мастере» он начинал работать и многому там научился. Но ушел, потому что начальник был гад – из тех, кто начинает фразу словами «слушай сюда» или «давай-ка, приятель», – поэтому он промолчал, и мистеру Уэйну пришлось продолжить с того места, на котором он остановился.

– А сейчас у меня отчаянная ситуация, – сказал тот. – У меня из компьютера пропало все подчистую. Документы, налоговые файлы – вообще все.

– Резервные копии делали?

– Ну, понимаете, я знаю, что надо было делать...

Майка вздохнул и потянулся к блокноту, лежавшему возле тостера.

– Ладно, – сказал он. – Где вы находитесь?

Уэйн жил в Роджерс-форд. Майка пообещал приехать к одиннадцати. В глубине души он рад был предложению уехать. Закончив разговор, он сказал Бринку:

– Похоже, дело срочное.

Мальчик кивнул и поднялся на ноги, избегая глядеть Майке в глаза. Он больше не казался сердитым – просто растерянным. Шагая к двери, он произнес:

– Как бы то ни было, спасибо за кофе.

– Попробуй еще раз спросить маму, хорошо? – сказал ему вслед Майка.

Бринк лишь приподнял в ответ руку, тут же ее уронил – и вышел за дверь.

– И передай привет от меня, – добавил Майка, чувствуя себя идиотом; дверь уже закрывалась и закрылась с тихим, окончательным щелчком.

Майка простоял неподвижно, наверное, с минуту, потом пожал плечами и направился в душ.

* * *

Утраченные файлы мистера Уэйна, как выяснилось, всего лишь прятались от него. Майка быстро их нашел, и мистер Уэйн рассыпался в благодарностях.

– Тем не менее, – сурово сказал Майка, и мистер Уэйн, воздевая обе руки, ответил:

– Знаю, знаю! Я усвоил урок! Теперь все время буду делать копии!

Следовало бы спросить его, как он собирается их делать. Скорее всего, мистер Уэйн понятия не имел, как делать копии. Майка мог бы объяснить ему различные варианты и, пожалуй, подобрать программу, тем самым заметно увеличив минимальный гонорар, который только что заработал. Но как-то сердце к этому не лежало. Его как будто что-то беспокоило, такое чувство, словно что-то осталось несделанным или сделанным неправильно, поэтому он сказал только:

– Что ж, если понадобится, у вас есть мой номер, – и распрощался.

Все дело в том парне, думал он, проезжая по Чарлз-стрит. Этот мальчик, Бринк, все никак не шел у него из головы. Очевидно, у парня какой-то кризис, а Майка фактически выставил его за дверь. Задним числом он чувствовал себя за это виноватым – отчасти из-за самого Бринка, отчасти из-за Лорны, потому что после стольких лет он все еще думал о Лорне с нежностью. Или, вернее, так: снова подумал о ней с нежностью. (Расстались они скверно: он застучал ее целующейся с другим парнем.) Как-никак она была его первой настоящей любовью. К тому времени у него особого опыта с девочками не было. Его считали одиночкой.

Когда они познакомились, он был на втором курсе, а она только что поступила, сидела одна в студенческой столовой, что-то ела, а за соседними столами большими стайками собирались, хихикали, визжали другие девушки. Завеса темных волос, узкое лицо без следа косметики, пастельная блузка и выцветшая юбка, обе многократно стиранные – все отделяло ее от прочих. При этом она не выглядела слишком застенчивой, смиренной. Казалось, она втайне довольна собой. Он поставил поднос на ее столик и спросил: «Можно, я тут сяду?» – а она ответила: «Конечно», не улыбувшись, даже слегка. Не промельк зубов за чуть раздвинувшимися губами, ни игривости в голосе. Она была самой собой, и точка. Религиозная, подумал он. Заинтересовался.

Учитывая ее принадлежность к фундаменталистской церкви, неудивительно, что она не избавилась от беременности. Удивительно, что она забеременела. Лорна Бартелл, такая твердая и уверенная в своих принципах! Вот бы никогда не подумал.

Грузовик впереди проскочил на желтый свет, но Майка был наготове и аккуратно, изящно затормозил. («Видали? – восхитился бог транспорта. – Ни малейшего рывка».)

Проблема с бывшими подружками в том, размышлял Майка, что каждая что-то из тебя вычитает. Прощаешься с первой своей великой любовью и обзаводишься следующей, но обнаруживаешь, что ей ты можешь дать уже меньше. Маленького кусочка тебя недостает – ты уже не целиком вкладываешься в новые отношения. А в следующие еще меньше, и еще того меньше – в те, что потом. После Лорны он встречался с Зарой – экзотической, склонной к драматизму, любительницей пестрых тюрбанов. А когда Зара сменила его на своего партнера по танцам, он увлекся Аделью. Ту пожирала страсть спасать животных. Однажды она объявила, что уезжает работать с серыми волками в каком-то богом забытом углу Монтаны. Или Вайоминга. Нет, с женщинами у Майки не очень-то складывалось. Они, похоже, в какой-то момент теряли к нему интерес, а почему – он толком не мог понять. Теперь он был с Кэсс, но это совсем не то, как было в старину с Лорной. С Кэсс все более... приглушенно. Негромко. Спокойно. И разумеется, даже речи нет о браке. Уж если Майка что и усвоил из всех этих прежних отношений, так это что жить с кем-то, так сказать, на полную ставку слишком хлопотно.

Он свернул на Йорк-роуд, заскочил в магазин купить выключатель, а заодно и поручни для ванны в квартиру 3В. Потом заехал в «Джайнт» за продуктами для чили.

Толкая тележку мимо стеллажей с консервированной едой, Майка на мгновение словно вернулся в свой утренний сон. Младенец сидел посреди похожего отдела. Спину держал очень прямо, решительно, в такой позе нередко сидят малыши, только что научившиеся сидеть. И откуда, черт возьми, этот сон?

Кто-то мог бы даже счесть его пророческим, хотя Бринк давно вышел из пеленок.

* * *

Вернувшись домой, Майка переставил пустые мусорные контейнеры за дом. Потом пошел в свой кабинет и внес выключатель и поручни в список расходов, который предстояло предъявить владельцу здания. Только поручни он записал как «вешалка для полотенец», поскольку поручни для ванны теоретически относились к дополнительному оборудованию, которое должны оплачивать сами жильцы, Картеры. Но Луэлла Картера болела раком и становилась все слабее, в любой момент могла упасть. Она же не просила установить ей душ с гидромассажем или еще какую роскошь, так рассудил Майка.

Мистеру Джерарду, домовладельцу, перевалило за восемьдесят, он был несколько прижимист, но теперь жил во Флориде и в дела почти не вмешивался.

После обеда – три звонка, один довольно занятный. Клиент хотел убрать с ноутбука сына-подростка порнофильмы и установить блокирующие программы. Майку развеселили названия, под которыми сын замаскировал файлы: «Производство сорго в восточных штатах», «Демография населения Дайтона». Похоже на пустоты внутри книги, куда люди прятали ценности от воров, – тоже всегда выбирали обложки со скучнейшими заголовками, чтобы посторонние не соблазнились открыть.

Отец был родом из какой-то далекой страны, где-то в Азии. Как многие клиенты-мужчины, он принадлежал к типу любителей стоять над душой и рассуждать о технике, пока Майка возится с компьютером. Сначала мистер Фень расспросил о преимуществах лазерных и струйных принтеров, потом – не угрожает ли оборудование «умного дома» приватности личных данных. Майка отвечал односложно. Он предпочитал полностью сфокусироваться на том, чем занят в конкретный момент. Впрочем, это не помогло: мистер Фень любил поговорить.

Когда Майка заполнял чек, мистер Фень сказал:

– Вы мне однажды помогли разобраться с вирусами, когда работали в «Компу-клиник». Я так и подумал, что ваше лицо мне знакомо.

– В самом деле? – откликнулся Майка.

– А теперь у вас собственная компания, верно?

– Ну, компанией я бы это не назвал...

Майка оторвал первый экземпляр чека и вручил его мистеру Феню. Тот всмотрелся, поджал губы.

– Знаете, я, пожалуй, ничего сыну не скажу, – сообщил он Майке. – Он придет домой, включит свой компьютер, удивится, что случилось, но спросить меня он же не сможет, верно? А я ни слова не скажу.

– Хороший план, – согласился Майка.

– Может, он решит, это Бог управился, – сказал мистер Фень.

Они оба засмеялись.

Другие заказы были не столь интересны. Установить новую операционную систему, настроить новый принтер. Ерунда, не требующая участия мозгов.

Парня, с которым целовалась Лорна, звали Ларри Эдвардс. Нет, Эсмонд. Имя само всплыло в голове Майки, когда он, подключив принтер, ехал домой. Ларри Эсмонд – маленький, тощий, крошечный клочок темной бороды торчал из центра подбородка, словно приклеенный. Он ходил в одну с Лорной группу изучения Библии. Как-то осенью, под вечер, Майка шел через кампус в компьютерную лабораторию и случайно увидел Лорну и Ларри на скамье под дубом. Сначала подумал, Лорна чем-то расстроена, а Ларри ее утешает – она сидела понуро, опустив голову, что-то говорила, словно себе за пазуху, а Ларри закинул одну руку на скамейку за спиной Лорны и мрачно кивал, внимая ей. Но потом он поднял другую руку и убрал прядь волос с ее лица, и Лорна повернулась к нему, и они поцеловались.

Будь это сцена в кино – обманутый влюбленный замирает в ужасе на миг и удаляется прочь, негодуя; девушка испуганно вскакивает на ноги; коварный соблазнитель тоже встает и бормочет объяснения и оправдания, – Майка бы только фыркнул. Мелодрама чистой воды! И так далеко от его реальной жизни, от Лорны, – Лорна была очень преданной. Порой даже липучей – обеими руками хваталась за его локоть, когда они гуляли вместе, просилась с ним, когда он сообщал, что собирается выпить с ребятами пива или сходить в зал покидать мячик в корзину.

И тем не менее вот они: Лорна и Ларри.

Однако он не думал, что Ларри стал отцом Бринка. Для этого пришлось бы уж слишком напрячь воображение.

* * *

– Столовую ложку молотого чили, столовую ложку соли, четверть чайной ложки красного перца, – приговаривал он, отмеряя приправы и высыпая их в кастрюлю. Он всегда разговаривал сам с собой во время готовки. Глянул еще раз на старую, потрепанную карточку. – Два *dientes de ajo*¹, раздавить.

Он положил два зубчика чеснока на разделочную доску, раздавил их чугунной сковородкой и аккуратно собрал.

Кто-то постучал в заднюю дверь.

Сначала Майка подумал, что стучат в парадную дверь. Жильцы пользовались ей – она вела в холл, куда выходили двери квартир. Но нет, тихое тук-тук доносилось из-за двери рядом с раковиной. Слишком неуверенное, это не Кэсс. Он отложил сковородку, подошел к двери и открыл ее. За дверью обнаружился тот паренек Бринк, он слегка покачивался с пятки на носок, глубоко засунув руки в карманы. Солнце уже садилось, стало так холодно, что парень наконец раскатал рукава блейзера.

– Привет, – сказал он Майке.

¹ Зубчика чеснока (исп.).

– И тебе привет, – ответил Майка.

Бринк продолжал переминаться с пятки на носок.

– Как дела? – спросил его Майка.

– Да особо никак.

– Хочешь войти?

– Хочу, – ответил Бринк. Вытер ноги о коврик и следом за Майкой вошел в кухню.

– День с толком провел? – спросил Майка.

– А, да. Нашел библиотеку.

– Библиотеку, – повторил Майка.

– Там и сидел.

То есть он весь день просидел в библиотеке? Уточнять Майка не стал: откроется очередная проблема, в которую он не хотел заглядывать. Он махнул рукой в сторону кухонного стола и пригласил:

– Садись, что стоять. Пива хочешь? Или, может... Не знаю, – добавил он, спохватившись:

Бринк же еще несовершеннолетний.

Но Бринк уже ответил:

– Пива бы неплохо.

И Майка не стал с этим спорить. Вытащил из холодильника банку «Натти Бо», передал парню. Сам вернулся к плите и закинул толченый чеснок в кастрюлю с чили.

– Одна луковица, нарезать, – скомандовал он себе. Самая нелюбимая часть процесса.

За спиной послышалось тихое «пфф» открывшейся пивной банки.

– Я читал книгу про «Ориолс», – мгновение спустя сказал Бринк. – Давненько они играют.

– Да уж, – согласился Майка.

– С 1901 года, если считать, когда они были «Брюэрс».

– «Милуоки Брюэрс»? – спросил Майка.

– Точно.

Майка обернулся поглядеть на своего гостя. Бринк откинулся к спинке стула, обеими руками сжимал банку пива.

– Но тогда ж они еще не были «Ориолс», – сказал Майка.

– Нет, «Ориолс» они только с 1953-го.

– А!

Майка продолжил резать лук.

– Лучшие же их дни пришлись на шестидесятые, – сообщил Бринк.

– Вот как, – откликнулся Майка. Он сбросил лук в кастрюлю и хорошенько все помешал.

Уже чувствовался тминный дух, немного похожий на застарелый запах пота.

– Смотрю, ты всерьез исследованием занялся, – сказал он Бринку.

– Да время девать было некуда, – ответил Бринк.

Майка замолк. Когда фарш начал подрумяниваться, он достал себе пива из холодильника и тоже уселся на стул.

– Как насчет тут и поужинать? – поинтересовался он наконец.

– Было бы здорово! – обрадовался Бринк и со стуком опустил на пол передние ножки стула.

– Всего лишь чили, – пояснил Майка. – И моя подруга тоже придет, Кэсс.

– Чили – это здорово! – сказал Бринк. – И я буду рад познакомиться с Кэсс.

– Так что?... – начал Майка.

Бринк насторожился.

– Так что на самом деле происходит? – задал вопрос Майка.

– Что происходит?

- В смысле, занятия сейчас идут полным ходом. Ты же не на осенних каникулах.
- Это верно, не на каникулах, – сказал Бринк.
- Майка вскрыл банку пива и задал следующий вопрос:
- А где вообще этот колледж Монтроз?
- Ему не слишком нравилась собственная настойчивость, но Бринк не возражал.
- В Виргинии, – сказал он. – Прямо у границы округа Колумбия.
- Ты живешь в общежитии? Или из дома едешь?
- Господи, нет! Живу в общеаге. Кому охота мотаться из дома?
- Верно, – подтвердил Майка и глотнул пива.
- Кстати говоря, – сказал Бринк, – свободной кровати у вас не найдется, чтоб мне на ночь пристроиться?
- Здесь? – удивился Майка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.